

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ИНТЕГРАЦИИ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОЙ ИСТОРИИ

О.С. Поршнева

Кафедра истории России
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Россия, Екатеринбург, 620002

Статья посвящена эволюции истории как одной из социальных наук во второй половине XX – начале XXI в. Рассматриваются основные тенденции и проявления интеграции наук о человеке и обществе, роль истории в формировании современного социально-гуманитарного знания. Появление особого феномена – социально-научной истории – рассматривается как проявление тенденции сциентизации исторической дисциплины, интеграции социальных наук на основе развития междисциплинарного сотрудничества. Противоречия и перспективы интеграции истории и социальных наук показаны в контексте анализа влияния научных парадигм и интеллектуальных «поворотов» рассматриваемого времени.

Ключевые слова: междисциплинарная кооперация, интеграция социальных и гуманитарных наук, социально-научная история, научная парадигма, теория, метод, исследовательский инструментарий, микро-, макроанализ.

Во второй половине XX в. историческая дисциплина претерпела существенную эволюцию, характер и направленность которой в значительной степени определялись превращением истории в социальную науку, интеграцией научного знания о природе и обществе. Важнейшей предпосылкой данного процесса стало развитие междисциплинарной кооперации социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Несмотря на наличие значительного массива литературы, посвященной феномену междисциплинарной кооперации (1), ее влияние на сциентизацию исторического знания требует дальнейшего изучения. В частности, остаются

дискуссионными вопросы о возможностях достижения историей объективного знания о прошлом, природе исторической дисциплины, общем и особенном в методе истории и других социальных наук, пределах и перспективах интеграции социально-исторического знания.

Междисциплинарная кооперация истории и смежных дисциплин, зародившись на рубеже XIX–XX вв., была порождена специализацией наук о человеке и обществе, оформлением целого ряда новых отраслей знания (социологии, исторической и социальной психологии, антропологии, демографии и др.), продуцированием последними эффективных объяснительных моделей, методов и новых видов исторических источников. Она дала импульс постоянному обновлению и обогащению проблематики и инструментария исторического исследования.

Методологическими предпосылками междисциплинарного сотрудничества стали единство науки как способа познания природы и общества, реализация во всех ее сферах базовых эпистемологических принципов и общенаучных методов; наличие общего объекта гуманитарных и социальных наук – человека и общества (при различии их предмета); использование в смежных дисциплинах аналогичных источников и серий документальных данных.

Возможности и ограничения в применении методологического инструментария других наук в историческом познании определяются прежде всего пониманием общего и особенного в предмете и методе социальных, гуманитарных, а также естественнонаучных дисциплин.

Основополагающей научной идеей, основой объединения всех теоретических и эмпирических компонентов исторического знания является историзм. Идея изменения, развития представляется ключевой в понимании природы исторической реальности, исторического знания, предмета и методологии исторической науки.

В то же время история изучает конкретные события и явления прошлого в определенном социокультурном контексте, что придает ей эмпирический характер. Выйти за рамки эмпиризма, расширить свои интеллектуальные горизонты и возможности история может прежде всего за счет использования концептуального аппарата и методического инструментария смежных наук. Условием такого использования является соблюдение ряда правил, главными из которых являются: обновление объекта, объяснительных моделей, инструментария исследования; глубокое освоение теорий смежных наук; сопрягаемость и комплиментарность методологических подходов; адаптация, «историзация», совершенствование методов других дисциплин в соответствии со спецификой исторической науки; адекватность заимствуемых идей, понятий и методов логике, предмету, задачам и источниковой базе исторического исследования.

Природа истории воплощается в историческом методе познания, проблема реализации которого является центральной в методологии, соединяя вопросы теории и практики исторических исследований. Эволюция пред-

ставлений об историческом методе, путях и способах критики, анализа и интерпретации источников происходила под влиянием смены научных парадигм и эпистемологических подходов в социогуманитарном знании, особенно значимо воздействовавших на его облик в XX в.

Важный этап в развитии методологии социальных и гуманитарных дисциплин, оказавший значительное влияние на изменение облика исторического знания, наступил в 1950–1960-е гг., когда широкое распространение получил структурализм. В процессе своего становления он охватил целый ряд областей социально-гуманитарного знания: литературоведение, этнографию, социологию, психологию, историю. Наибольший вклад в развитие структурализма в 1950–1960-е гг., формирование его классической версии внесли К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт.

Как методология исследования социальных и гуманитарных наук структурализм базировался на представлении об определяющей роли структуры как совокупности отношений в функционировании социальных и культурных систем, выявлении структурных закономерностей множеств объектов.

Значительное воздействие структурализм оказал на эволюцию школы «Анналов»: к 1950-м гг. в западной историографии победила история структур «большой длительности», история экономическая и социальная. В исторической науке утвердилась концепция «тотальной истории» – исследования, стремящегося, по характеристике А.Я. Гуревича, дать объемную картину исторической жизни на разных ее уровнях (2). Именно в творчестве Ф. Броделя, лидера второго поколения школы «Анналов», возглавившего журнал в 1956 г. после смерти Л. Февра, в наибольшей степени воплотилось создание истории структур (3). Стремление последователей структурализма превратить гуманитарные науки в точные (прежде всего на основе применения методов точных и естественных наук) способствовало распространению в социальных и гуманитарных дисциплинах, включая историю, методов структурного анализа, моделирования, формализации и математизации, что благотворно сказалось на развитии методики исследования исторических источников.

В результате широкого распространения структурализма, популярности марксизма в 1960–1970-е гг. в ряде школ и направлений мировой историографии произошло утверждение сциентистских идеалов, представлений об истории как одной из социальных дисциплин, призванных изучать законы и механизмы общественного развития. По оценке исследователей, эти годы стали кульминацией в освоении историками теоретического аппарата других общественных дисциплин (4).

Как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «исследования, написанные в духе «новой» истории, характеризовались отчетливо выраженным объясняющим (аналитическим), а не описательным (нарративным) подходом. В области обработки источников «новые» историки также произвели настоящий переворот, широко применяя математические методы, позволяющие в свою очередь освоить огромные массивы статистики, дотоле недоступной историкам.

Но главный вклад «новых историй» в историческую науку состоял не столько в распространении количественных методов или компьютерной обработки массовых источников информации, сколько в активном использовании теоретических объясняющих моделей для анализа прошлых обществ (5).

В СССР сциентистские ориентиры в течение целого ряда десятилетий задавала марксистская теория. Хотя ряд ее положений оказались уязвимыми и догматизированными, в рамках марксизма развивались направления, близкие западным, прежде всего структуралистским подходам и исследовательским практикам. Так, структурно-семиотический анализ текстов, в том числе исторических источников, стал развиваться в СССР с 1960-х гг. после оформления московско-тартуской семиотической школы, лидерами которой были Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Ю.И. Левин и др. (6).

Во многом под влиянием системно-структурного видения функционирования общественно-исторических отношений в СССР сложилась методологическая и источниковедческая школа академика И.Д. Ковальченко, в рамках которой разрабатывались историко-системные методы и структурно-системный анализ источников. Для нее были характерны разработка и применение количественных методов в историческом исследовании, особое внимание к проблемам извлечения, обработки и анализа информации исторических источников, прежде всего массовых (7).

На основе школы Ковальченко его учениками и последователями в 1992 г. была создана Ассоциация «История и компьютер», представители которой плодотворно применяют математические методы и реализующие их информационные технологии в исторических исследованиях, развивают новое междисциплинарное направление – историческую информатику.

Богатый арсенал идей, способствующих теоретическому осмыслению событий и явлений прошлого, выработывался с середины XIX в. социологией, получившей среди других социальных наук статус дисциплины, нацеленной на выявление законов общественной жизни. Это определило развитие сотрудничества и взаимообогащения истории и социологии на протяжении всей истории их существования, приобретших разнообразные формы. Особенно активным взаимодействие стало с конца 1950-х гг., вступив в фазу интеграции подходов после оформления в рамках социологии в 1970-е гг. отдельного направления – исторической социологии, ставшего ведущим в современном социологическом знании.

Одновременно в 1960–1980-е гг. произошло усиление интереса историков к социологии, продуцируемым ею теоретическим конструкциям и исследовательскому инструментарию. Это нашло отражение в оформлении и бурном развитии социальной истории как особого направления в исторической науке, характеризующегося преимущественным вниманием к изучению социальных структур, институтов и процессов, расширением информационной базы и арсенала междисциплинарных, прежде всего количественных, методов исследования.

В результате социальная история по праву стала рассматриваться как одна из авторитетных социальных наук, использующая возможности соединения диахронного и синхронного анализа, вводящая в научный оборот массовые источники, продуцирующая верифицируемые исследовательские результаты.

Формирование исторической социологии было отражением сдвига в развитии социально-гуманитарного знания в последнее тридцатилетие, который получил в западной историографии название «исторического поворота» (8). Он выразился в возрастающем интересе к роли агента исторического процесса в его взаимоотношении и взаимодействии с социальными структурами и средой, применении исторического подхода к объяснению природы и функций любого социального института. Не случайно историческая социология стала доминировать в социологии, а исторический подход рассматривается как фундаментальный в антропологии и политических науках. В этом же ключе можно оценить появление особого направления в социальной психологии – исторической социальной психологии (9).

Ч. Тили акцентировал две главные причины, вызвавшие, по его мнению, исторический поворот в социологии: «Первое: социально-научная работа, которая велась историками, удваивала поддержку социальных наук... Второе, и более важное, – разочарование в моделях модернизации и развития повернуло исследователей от крупномасштабных социальных изменений к истории» (10).

«Исторический поворот» в социальном и гуманитарном знании произошел также под воздействием возрождения в последние два десятилетия на новой методологической основе нарратива в исторической науке, продемонстрировавшего важность и плодотворный характер исследования событий и человеческой деятельности во времени.

Появление исторической социологии трудно переоценить: это была, по выражению Г. Клейна, «теоретическая революция в социологии последней четверти XX в.: традиционные послевоенные структуралистские модели объяснения с их врожденным антиисторизмом уступили место моделям мышления, которые рассматривали исторический опыт как основу объяснения природы институтов, групп, культур и даже индивидуального поведения» (11).

По мнению Ф. Абрамса, методологическим основанием синтеза подходов «настоящей (читай: научной. – *О.П.*) истории» и «настоящей социологии» является то, что они, несмотря на свои различия, преследуют одну и ту же цель – показать отношения между социальной структурой и социальной агентностью в процессах социально-исторического изменения, а потому знание, к которому стремятся историография и социология, – это в общем одно и то же знание (12). Эту же по сути позицию отстаивают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, которые отмечают, что «размежевание по дисциплинарным областям на уровне результатов, т.е. готового исследования, часто действительно выглядит искусственно» (13).

Именно в рамках исторической социологии была разработана структурная теория Э. Гидденса, объясняющая механизм взаимодействия социальных структур и человеческой деятельности в истории.

Ключевое значение для истолкования соотношения социальных структур, процессов и человеческой деятельности приобретает предложенная Э. Гидденсом категория «практики», являющаяся инструментом анализа социально-исторической реальности (14). Согласно концепции, структурные свойства социальных систем являются одновременно и средством, и результатом практики, которую они организуют, поскольку структура предстает как совокупность «правил», «ресурсов» и «процедур» и реализуется только в процессе их применения – в повседневной социальной практике исторических акторов (15).

В 1970-е гг. на базе развития междисциплинарной кооперации истории и социальных наук, прежде всего исторической социологии, формируется влиятельное направление в изучении истории – *Social Science History* (*Социально-научная история*).

В 1974 г. в США возникает Ассоциация, объединившая сторонников данного направления, представленных интердисциплинарной группой исследователей, разделявших интерес к изучению социальной жизни, теории, историографии, методологии истории и социальных наук. При возникновении данного направления его основатели стремились сформулировать и решить наиболее острые проблемы исторического прошлого путем соединения теорий и методов социальных наук с исследованием новых форм исторических свидетельств, новых видов источников (16).

Наиболее востребованными среди сторонников данного направления в 1970-е гг. были количественные методы. В теоретическом плане они испытывали мощное влияние материалистического марксистского подхода к оценке социальных и политических феноменов (17).

Один из основателей социально-научной истории Ч. Тилли доказал, что формализованные методы предлагают исследователям аналитический инструментарий, обеспечивающий более глубокое понимание социальных феноменов. Обращаясь к историкам, он призывал к сближению методов сциентистского и исторического анализа, предлагал преодолеть ложную дихотомию качественных и количественных исследований и применять формализованные методы во всех сферах исторических изысканий, прежде всего в изучении городской истории, трудовых отношений, социальной мобильности, коллективных действий.

Сфокусировав внимание на крупных социальных изменениях, Ч. Тили исследовал исторические процессы как главный компонент анализа социальных перемен. Он предложил метод, направленный на выявление глубоких механизмов, которые оказывают существенное воздействие на макропроцессы, хотя и проявляются в различных конфигурациях и последовательностях.

Исследователи, полагал Ч. Тилли, должны идентифицировать также социальные механизмы, действующие на микроуровне, которые в комбинации с другими элементами социальной структуры определяют более крупные соци-

альные феномены. Две сферы социологического анализа, значительно выигравшие от движения навстречу истории, – это, по мнению Ч. Тилли, изучение крупномасштабных структурных изменений и коллективных акций (18).

Говоря об интеграции истории в систему социальных наук, Ч. Тилли определил условия поддержания историей статуса одной из наук об обществе, которые предполагают ее участие в формировании целостного социального знания.

По мнению ученого, история останется научной дисциплиной в той степени, «в какой социальные процессы являются последовательными, в какой следствия и результаты причинных механизмов различаются в зависимости от установления времени и пространства, в какой порядок происходящих событий влияет на то, как они происходят, в какой мелко- и крупномасштабный коллективный опыт аккумулируется и застывает в культуре...» (19).

В 1980-е гг. в рамках социально-научной истории теоретические подходы, считавшиеся основополагающими, были подвергнуты масштабной критике. Подчеркивались множественность идентичностей и разнообразие структур, появились сомнения в адекватности материалистических объяснений политических феноменов (20). Это во многом объяснялось ростом в мировой историографии 1980–1990-х гг. интереса к индивидуальному и уникальному в истории, популярностью микроисторических исследований, необходимостью дать «ответы» на интеллектуальные «вызовы» постмодернизма.

Как отмечал в конце 1990-х гг. Н.Е. Копосов, в условиях современного кризиса истории микроистория стала одним из основных интеллектуальных течений, с которыми в последние годы связывают надежды на создание новой парадигмы социальных наук (21).

«Микроистория» с конца 1970-х гг. стала обозначать новое научное направление, разрабатывавшееся группой итальянских историков (К. Гинзбургом, Дж. Леви и др.) и завоевавшее признание в других национальных историографиях. Микроистория стремилась рассматривать людей прошлого как действующих лиц, обладавших собственными целями и стратегиями, выступая против позиций «традиционной» макроориентированной социальной истории, для которой, по оценке Ю. Шлюмбома, М. Крома и Т. Зоколл, низшие слои оставались «безмолвствующими» и представлялись просто анонимной массой (22).

Гинзбург и Пони в 1979 г. поставили цель соединить «неэлитарную перспективу» социальной макроистории со «стремлением к индивидуализации», характерным для биографически-ориентированного исследования элит, и писать «просопографию масс», или, точнее сказать, «маленьких людей», – а это можно было осуществить только посредством множества эмпирических штудий (23).

Микроистория предлагала исследовательский инструментарий, для которого был характерен, в частности, анализ социального взаимодействия людей в контексте сети социальных отношений, в рамках которых они осуществляют свои «стратегии»; экспериментирование с методами исследования и формой изложения материала при приоритетном использовании мик-

роаналитических процедур; привлечение всех без исключения доступных источников, относящихся к объекту исследования.

Однако проблемы сопряжения выводов микро- и макроанализа, несмотря на достижения микроистории, оставались актуальными и до конца не разрешенными (24).

Как справедливо заметили Ю. Шлюмбом, М. Кром и Т. Зоколл, полезные идеи, которые продвинул историков дальше в микро- и макропроблематике, можно было бы найти в соседних социальных науках (25). И эти науки, прежде всего социология, действительно, предлагают методологию микроанализа, интерпретацию связи микро- и макропроцессов в функционировании социальных отношений, пути интеграции микро- и макроподходов (26).

Исследователи отмечают, что макросоциологические теории фокусируют внимание на взаимодействиях социальных акторов, предлагая концепции макросоциального порядка, базирующиеся на трактовке взаимоотношений социальных акторов в социальных структурах и социальных системах. В то же время в микросоциологических теориях и методологиях предпочитают концепции, базирующиеся на представлении об онтологическом и методологическом приоритете микросоциальных ситуаций (27).

Макросоциологический анализ делает необходимым для характеристики социальной совокупности использование как теоретических концепций системного уровня, так и агрегированных данных, полученных на основе изучения индивидуальных ситуаций микроуровня. «Микросоциологический вызов», по мнению К. Кнорр-Сетины, лучше всего может быть проиллюстрирован двумя выдающимися взаимосвязанными сдвигами: от утверждения о нормативном характере социального порядка к идее мыслительного/познавательного порядка; от методологического коллективизма и индивидуализма к методологическому «ситуационализму» (28).

В последние тридцать лет в рамках социальных наук были обоснованы междисциплинарные подходы, различающиеся по своим теоретическим основаниям, позволяющие исследовать микропроцессы социальной жизни: символический интеракционизм, когнитивная социология, этнометодология, социальная феноменология в социологии и др. (29).

Под влиянием «культурного поворота» в 1990-е гг. на базе социальной истории появилась «новая социальная история», включающая в анализ данные о культурно обусловленных свойствах исторического субъекта и превратившаяся в своем новейшем варианте в социокультурную. Для нее стал характерен комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории (30).

В результате идеи социально-научной истории были восприняты новой волной исследователей, включавшей «культурно-ориентированных» историков, антропологов, географов, специалистов в сфере политической теории, сравнительных историко-социологических исследований. Традиционный историко-институциональный анализ был дополнен процессуальным

анализом, нацеленным на понимание механизмов институциональных изменений и преемственности (31).

Культурологический или «культурный» поворот в социальных науках конца XX в. проявился в смене акцентов в работе исследователей – сторонников социально-научной истории. Главное внимание стало уделяться теоретическому обоснованию и изучению роли и действий агентов исторического процесса, проявлений субъективности, амбивалентности, множественности. Были востребованы теория дискурса М. Фуко, концепции психологической динамики, семиотические подходы, произошел отказ от детерминизма, контекстуализация политических идентичностей (32).

Некоторые представители социальной истории усматривают в увлечении «культурным поворотом» опасность того, что новая социальная история утратит статус социальной науки, окажется в прогрессирующей изоляции от важных достижений современного социального знания, в том числе в сфере научных методов (33).

Так, Г. Клейн, подчеркивая, что социальная история является фундаментальной частью системы социальных наук, обращает внимание на наиболее плодотворные для дальнейшего развития дисциплины достижения политической теории, экономики, исторической социологии, имеющие интердисциплинарное значение. К ним относятся идеи и методы современного институционального анализа с его вниманием к влиянию институтов на социальные и экономические структуры развивающихся обществ, исследованием мотивации и логики индивидуальных и групповых решений. Социальные историки, проявляющие значительный интерес к проблемам мотивации, не должны, по мнению Клейна, упустить из поля своего зрения современную теорию рационального выбора, дискуссии в социальных науках о мотивации человеческого поведения и другие идеи (34).

С. Дорманс и Дж. Кок отмечают, что «культурный поворот» в истории и наступление постмодернизма ослабили внимание к элементарной подготовке историков в сфере статистики и методов социальных наук, снизили финансирование и заинтересованность в проектах, основанных на больших исторических базах данных. Однако именно большие базы данных, считают авторы, дают основание для постановки новых типов научных задач, в особенности тех, решение которых предполагает компаративные или интердисциплинарные исследования (35).

С. Дорманс и Дж. Кок рассматривают возникновение «новой волны» больших тематических баз данных, созданных и поддерживаемых с помощью информационно-компьютерных технологий для реализации крупных междисциплинарных проектов (по истории занятости, гильдий, миграционных организаций, трудовых конфликтов и др.), как возможность возрождения перспектив социально-научной истории.

Авторы анализируют проблемы в сфере организации таких исследований, функционирования обеспечивающих их коммуникаций, технологий, в вопро-

сах пополнения, использования, долгосрочного хранения, публикации, цитирования данных и др. Именно такие проекты, по мнению авторов, позволяют в современных условиях решать крупные научные задачи на основе проведения масштабных компаративных исследований (36).

В российской историографии формирование современной информационной среды обусловило углубленное внимание к специфическим источниковедческим проблемам компьютеризованного исторического исследования (37). Все более заметное место в этом процессе занимают разрабатываемые в русле исторической информатики концепции, методы и технологии создания профессиональных тематических ресурсов. Разрабатываются стандарты описания и классификации информации исторических источников, позволяющие выполнять процедуры преобразования данных и обмена данными, более обоснованно подходить к критике источника, значительно расширить возможности источниковедческого синтеза (38).

Тенденция возрождения интерпретации истории как «строгой науки» нашла воплощение в российской историографии новейшего времени в обосновании критериев научности исторического знания, выработке представлений об общем объекте наук о человеке и обществе, осмыслении путей соединения микро- и макросоциального анализа. Это выразилось, в частности, в разработке О.М. Медушевской и А.Н. Медушевским когнитивно-информационной теории современного гуманитарного познания (39). Постановка ими вопроса об истории как строгой науке совпала с интенсивными поисками научных методик, техник и инструментов, направленных на достижение обоснованных результатов исторических исследований, которыми отмечено развитие профессионального сообщества в последнее десятилетие (40).

При сохранении дисциплинарной специфики и различии дисциплинарных идентичностей в современных условиях отчетливо просматривается тенденция к интеграции социальных наук на основе признания исторического подхода к исследованию обществ как основополагающего. В частности, в рамках направления социально-научной истории создается интегрированная историческая социальная наука, не навязывающая, однако, единую модель объяснения, а варьирующая концептуальные подходы и исследовательский инструментарий в зависимости от поставленной проблемы, предмета и задач исследования. При этом сам объект изучения, исследовательская проблема все чаще формулируются как трансдисциплинарные, выходящие за традиционно понимаемые рамки отдельных наук.

Как отмечает Энн Шола Орлофф, поиски интеграции ведутся сторонниками социально-научной истории в двух встречных направлениях: «институционалисты» нащупывают лучшие пути теоретического осмысления «структурированной агентности», культуры и множественности, а «культурологи» — интерпретации актуальных проблем политической экономики, глобального неравенства, империй (41).

Иными словами, более широкий междисциплинарный ландшафт, в котором нуждается направление, должен конструироваться, по мнению одного из лидеров *Social Science History*, на основе синтеза обновленного институционального и культурного анализа, что предполагает серьезную концептуальную работу, которая и будет способствовать продвижению вперед на пути создания продуктивного альянса между историей и социальными науками (42).

Характеризуя возможности и способы соединения институционального и культурного анализа, Ч. Тилли писал: «Значительная часть социальной реальности состоит из трансакций, которые кристаллизуются в связях, формирующих данную социальную общность и сцепляющих их в переменные структуры. Тогда идентичность будет становиться не какой-то одной существенной чертой индивида или группы, а характеристикой и следствием социального взаимодействия. Идентичность – это опыт действующего лица или группы, выраженный в категориях, общественных связях, ролях, и наложенный на публичное представление этого опыта, а оно, в свою очередь, часто принимает форму рассказа о разделенном опыте» (43).

Пути сближения истории и других социальных наук предлагает и Г. Клейн. Он настаивает, что интеграция подходов истории и социальных дисциплин предполагает взаимовосприятие и взаимообогащение исследовательского этоса. Для представителей социальных наук необходимым становится исследование истории отдельных социальных институтов путем проведения основательного эмпирического исследования для понимания исторического опыта этих институтов, даже если потребуется привлечь для этого историков. Поэтому социальные исследователи должны «ратифицировать» базовую историческую методологию и даже взгляд историков на мир, в частности, в вопросе о важности исторической каузальности.

С другой стороны, историки должны побороть робость открытого теоретизирования, проявить готовность к использованию теоретических моделей, выработанных в рамках других научных направлений, даже если они не всегда адекватно проверены теми, кто их использует. Для историков особенно важно и более сложно признать, что представители социальных наук демонстрируют возможности правильного применения теории к изучению истории, макро- и микроисторического моделирования для понимания исторического опыта (44).

В настоящее время в рамках социально-научной истории продолжают появляться новые интеллектуальные течения, инкорпорирующие разнообразие исследовательских стилей, представляющие результаты взаимообогащения отдельных научных направлений.

Ассоциация *Social Science History* объединяет историков, социологов, экономистов, политологов, антропологов, географов, способных соединить эмпирическое исследование с теоретической работой, предпринять сравнения социальных (в широком смысле) явлений во времени и пространстве, внести вклад в развитие количественных и качественных методов научного анализа. Иными словами, направление социально-научной истории объеди-

няет исторически мыслящих социальных исследователей и количественно и теоретически ориентированных историков.

Таким образом, тенденция более тесного сближения истории с социальными науками в последней четверти XX – нач. XXI в. совпала с «историческим поворотом» в их развитии, что породило особый феномен исторической социальной науки и социально-научной истории, ставших результатом развития теории и методологии всего корпуса социальных дисциплин, их междисциплинарной кооперации и интеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. – М., 2011. – С. 25–60.
- (2) *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». – М., 1993. – С. 65.
- (3) *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. – Т. 1–3. – М., 1986–1992.
- (4) См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. – Т. 1. – СПб., 2003. – С. 333.
- (5) Там же. – С. 333–334.
- (6) См.: Труды по знаковым системам: Сб. тр. – Тарту, 1964–1992.
- (7) *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. – М., 2003.
- (8) *Berkhofer, Robert F.* Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. – Cambridge; L., 1995. – P. 2; *Tilly C.* As Sociology Meets History. – N.Y., L., Sydney, San Francisco, 1981. – P. 38; *Klein H.* The Old Social History and the New Social Sciences // *Journal of Social History.* – Spring 2006. – Vol. 39. – Issue 3. – P. 935.
- (9) См.: *Historical Social Psychology / Ed. by K.J. Gergen and M.M. Gergen.* – N.Y., Lnd., 1984.
- (10) *Tilly C.* As Sociology Meets History. – N.Y., Lnd., Sydney, San Francisco, 1981. – P. 38.
- (11) *Klein H.* The Old Social History and the New Social Sciences. – P. 940.
- (12) *Кимелев Ю.А.* Методология социальных наук (современные дискуссии). Аналитический обзор. – М., 2011. – С. 82.
- (13) *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и социальные науки. – М., 2005. – С. 28.
- (14) *Гидденс Э.* Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995. – С. 40–71.
- (15) Там же; *Репина Л.П.* Историческая наука на руб. XX–XXI вв... – С. 158.
- (16) *Orloff, Ann Shola.* Remaking Power and Politics // *Social Science History.* – Spring 2012. – Vol. 36. – Issue 1. – P. 4.
- (17) Ibid.
- (18) См.: *Tilly C.* As Sociology Meets History...
- (19) *Тилли Ч.* Микро, макро или мигрень? // Социальная история. Ежегодник, 2000. – М., 2000. – С. 16.
- (20) *Orloff, Ann Shola.* Remaking Power and Politics... – P. 4.
- (21) *Копосов Н.Е.* О невозможности микроистории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 2000. – С. 35.
- (22) *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. – СПб., 2003. – С. 14.
- (23) Там же.

- (24) Там же. – С. 19–20; *Peltonen M.* Clues, margins, and monads: the micro-macro link in historical research // *History and Theory*. – 2001. – № 3. – Vol. 40. – P. 349.
- (25) *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе... – С. 21.
- (26) См.: *The Ethnomethodological Movement. Sociosemiotic Interpretations* by Pierce J. Flynn. – Berlin; N.Y., 1991; *Knorr-Cetina Karin D.* Introduction: The micro-sociological challenge of the macro-sociology: towards a reconstruction of social theory and methodology // *Advances in social theory and methodology. Toward an integration of micro and macro-sociologies*. – Boston, Lnd and Henley, 1981.
- (27) *Knorr Cetina Karin D.* Introduction... – P. 40.
- (28) *Ibid.* –P. 2.
- (29) *Ibid.* – P. 1.
- (30) *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. – Ч. II // *Социальная история. Ежегодник, 1998/99*. – М., 1999. – С. 38.
- (31) *Orloff, Ann Shola* Remaking Power and Politics... – P. 5.
- (32) *Ibid.* – P. 6–9.
- (33) *Klein H.* The Old Social History and the New Social Sciences... – P. 935; *Dormans S., Kok J.* An Alternative Approach to Large Historical Databases. Exploring Best Practices with Collaboratories // *Historical Methods, July-September 2010*. – 2010. – Vol. 43. – № 3. – P. 97.
- (34) *Klein H.* The Old Social History and the New Social Sciences. – P. 935–936.
- (35) *Dormans S., Kok J.* An Alternative Approach to Large Historical Databases. Exploring Best Practices with Collaboratories... – P. 97.
- (36) *Ibid.* – P. 99–106.
- (37) *Гарскова И.М.* проблемы исторической информатики // *Российская история*. – 2010. – № 3. – С. 151–161.
- (38) Там же. – С. 154.
- (39) *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008; *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // *Российская история*. – 2009. – № 4. – С. 3–22.
- (40) См., напр.: *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования. – Екатеринбург, 2010.
- (41) *Orloff, Ann Shola* Remaking Power and Politics... – P. 9.
- (42) *Ibid.* – P. 10–12.
- (43) *Тилли Ч.* Микро, макро или мигрень?... – С. 14.
- (44) *Klein H.* The Old Social History and the New Social Sciences... – P. 941.

REFERENCES

- (1) *Repina L.P.* *Istoricheskaya nauka na rub. XX–XXI vv.* [History at the border of the XX – XXI cc.]. Moscow, 2011, pp. 25–60.
- (2) *Gurevich A.Ya.* *Istoricheskiy sintez i Shkola «Annalov»* [Historical Synthesis and the Annales' School]. Moscow, 1993, p. 65.
- (3) *Brodell' F.* *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV-XVIII vv.* [Material Civilization and Capitalism, 15th–18th Century]. Moscow, 1986–1992, vol.1–3.
- (4) См.: *Savel'eva I.M., Poletaev A.V.* *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya* [Knowledge about the Past: Theory and History]. St.-Petersburg, 2003, vol. 1, p. 333.
- (5) *Tam zhe* [*Ibid.*], pp. 333–334.
- (6) См.: *Trudy po znakovym sistemam. Sb. tr.* [Papers on sign systems]. Tarty, 1964–1992.

- (7) Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow: Nauka, 2003.
- (8) Berkhofer R.F. *Beyond the Great Story. History as Text and Discourse*. [Za predelami Bol'shoj Istorii. Istorija Teksta i Diskursa]. Cambridge, London, 1995, p. 2; Tilly C. *As Sociology Meets History* [Sociologija vstrechaetsja s istoriej]. New York, London, Sydney, San Francisco, 1981, p. 38; Klein H. *Journal of Social History* [Zhurnal Social'noj Istorii]. Spring, 2006, vol. 39, № 3, p. 935.
- (9) *Historical Social Psychology* [Istoricheskaja Social'naja Psihologija]. Ed. by K.J. Gergen and M.M. Gergen, New York, London, 1984.
- (10) Tilly C. *As Sociology Meets History* [Kak sociologija vstrechaetsja s istoriej]. New York, London, Sydney, San Francisco, 1981, p. 38.
- (11) Klein H. *The Old Social History and the New Social Sciences* [Staraja social'naja istorija i novaja social'naja nauka], p. 940.
- (12) Kimelev Yu.A. *Metodologiya sotsial'nykh nauk (sovremennye diskussii). Analiticheskij obzor* [Methodology of the Social Sciences (contemporary discussions). Analytical review]. Moscow, 2011, p. 82.
- (13) Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Istoriya i sotsial'nye nauki* [History and social sciences]. Moscow: HSE, 2005, p. 28.
- (14) Giddens E. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk, 1995, pp. 40–71.
- (15) *Tam zhe* [Ibid.]; Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rub. XX–XXI vv...* [History at the border of the XX–XXI cc...]. p. 158.
- (16) Orloff A. Sh. Remaking Power and Politics, *Social Science History* [Social'naja Istoricheskaja Nauka]. Spring, 2012, vol. 36, no. 1, p. 4.
- (17) *Tam zhe* [Ibid.].
- (18) Tilly Ch. *As Sociology Meets History* [Kak sociologija vstrechaetsja s istoriej]...
- (19) Tilli Ch. Mikro, makro ili migren'? *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2000* [Social history. Yearbook, 2000], Moscow, 2000, p. 16.
- (20) Orloff A.Sh. Remaking Power and Politics, *Social Science History* [Social'naja Istoricheskaja Nauka]... p. 4.
- (21) Kuposov N.E. O nevozmozhnosti mikroistorii, *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii* [Incident. Individual and unique in the history], Moscow, 2000, p. 35.
- (22) Shlyumbom Yu., Krom M., Zokoll T. Mikroistoriya: bol'shie voprosy v malom masshtabe, *Proshloe krupnym planom: sovremennye issledovaniya po mikroistorii* [The past – close-up: contemporary research in mikrohistory], St-Petersburg, 2003, p. 14.
- (23) *Tam zhe* [Ibid.].
- (24) *Tam zhe* [Ibid.], p. 19-20; Peltonen M. Clues, margins, and monads: the micro-macro link in historical research, *History and Theory* [Istorija i teorija], 2001, vol. 40, no. 3, p. 349.
- (25) Shlyumbom Yu., Krom M., Zokoll T. Mikroistoriya: bol'shie voprosy v malom masshtabe, *Proshloe krupnym planom: sovremennye issledovaniya po mikroistorii* [The past – close-up: contemporary research in mikrohistory]... p. 21.
- (26) *The Ethnomethodological Movement. Sociosemiotic Interpretations by Pierce J. Flynn* [Jetnometodologicheskoe dvizhenie. Sociosemioticheskie interpretacii Pirsy Zh. Flinna]. Berlin; New York, 1991; Knorr Cetina Karin D. *Advances in social theory and methodology. Toward an integration of micro and macro-sociologies* [Dostizhenija v social'noj teorii i metodologii. K integracii mikro-i makro-sociologij]. Boston, London and Henley, 1981.
- (27) Knorr-Cetina Karin D. *Advances in social theory and methodology. Toward an integration of micro and macro-sociologies* [Dostizhenija v social'noj teorii i metodologii. K integracii mikro-i makro-sociologij]... p. 40.
- (28) *Tam zhe* [Ibid.], p. 2.

- (29) *Tam zhe* [Ibid.], p. 1.
- (30) Repina L.P. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 1998/99* [Social history. Yearbook, 1998/99], Moscow: ROSSPEN, 1999, p. 38.
- (31) Orloff A. *Social Science History* [Social'naja Istorcheskaja Nauka]... p. 5.
- (32) *Tam zhe* [Ibid.], pp. 6–9.
- (33) Klein H. *The Old Social History and the New Social Sciences* [Staraja social'naja istorija i novaja social'naja nauka], p. 935; Dormans S., Kok J. *Historical Methods, July-September 2010* [Istoricheskie Metody, Ijul'-Sentjabr' 2010 Goda], 2010, vol. 43, no. 3, p. 97.
- (34) Klein H. *The Old Social History and the New Social Sciences* [Staraja social'naja istorija i novaja social'naja nauka], pp. 935–936.
- (35) Dormans S., Kok J. *Historical Methods, July-September 2010* [Istoricheskie Metody, Ijul'-Sentjabr' 2010 Goda]... p. 97.
- (36) *Tam zhe* [Ibid.], p. 99–106.
- (37) Garskova I.M. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2010, no. 3, p. 151–161.
- (38) *Tam zhe* [Ibid.], p. 154.
- (39) Medushevskaya O.M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and Methodology of Cognitive History]. Moscow, 2008; Medushevskiy A.N. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2009, no. 4, pp. 3–22.
- (40) Mazur L.N. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Ekaterinburg, 2010.
- (41) Orloff A. Sh. *Social Science History* [Social'naja Istorcheskaja Nauka]... p. 9.
- (42) *Tam zhe* [Ibid.], pp. 10–12.
- (43) Tilli Ch. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2000* [Social history. Yearbook, 2000]... p. 14.
- (44) Klein H. *The Old Social History and the New Social Sciences* [Staraja social'naja istorija i novaja social'naja nauka]... p. 941.

ROLE OF INTERDISCIPLINARY COLLABORATION IN INTEGRATION OF HISTORY AND SOCIAL SCIENCES: PHENOMENON OF SOCIO-SCIENTIFIC HISTORY

O.S. Porshneva

Department of Russian History
Ural Federal University named
after first President of Russia B.N. Yeltsin
Mira Str., 19, Russia, Ekaterinburg, 620002

The article is devoted to the evolution of history as one of the social sciences in the second half of the XX – early XXI centuries. The author analyses the main representations of the integration of social sciences and history, its role in the formation of the contemporary social knowledge. The article considers the phenomenon of social science history as a sphere of scientifically oriented social-historical studies based on the integration and collaboration of social sciences and humanities. Contradictions and perspectives of this interdisciplinary collaboration are discussed in the context of the influence analysis of scientific paradigms and intellectual turns of the epoch.

Key words: Interdisciplinary collaboration, integration of social sciences and humanities, social science history, scientific paradigm, theory, method, intellectual tools, micro-analysis, macro-analysis.